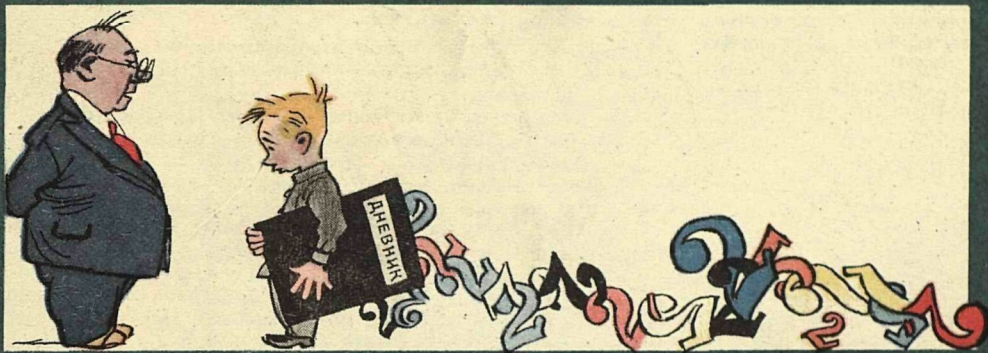

1

«АВРАЛИАДА»

Наш директор, друг аврала,
Твёрд в пристрастии своём:
— План? Пустяк! В конце квартала
Приналяжем, поднажмём.

2

Весь в отца сынишка бойкий.
— Где ты двоек нахватал?
— Я, отец, нажал на двойки,—
Получил за весь квартал.

3

Перенял манеру эту
Письмоносец. В свой черёд
«Доставляет» он газету
В декабре за целый год.

4

— Это завтрак? Неужели?
— Не смущайся! Получай
За прошедшие недели
Сорок завтраков и чай.

5

— Это что за чертовщина?
Сорок сразу?! Вот те на!
— Это, милый, штурмовщина,—
Резюмирует жена.

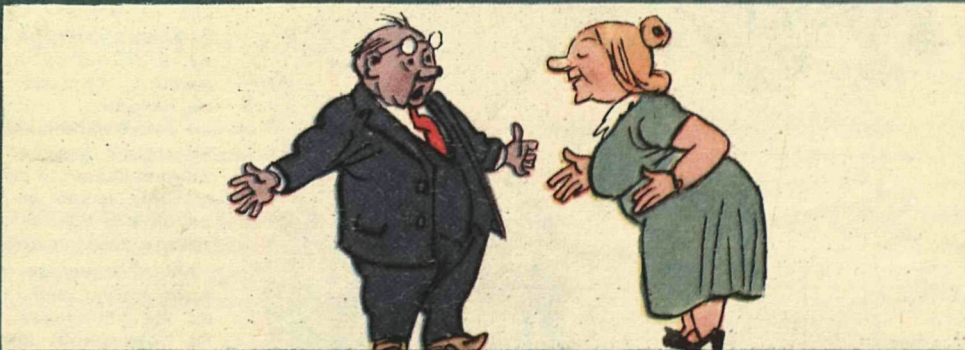

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

К Р О К О Д И Л

П р и н я т о

ИСПОЛНЕНИЮ

На Таганрогском комбайновом заводе в глазах рябит от бесчисленного количества плакатов, лозунгов, щитов с диаграммами. Одни призывают досрочно выполнить план, другие напоминают о принятых обязательствах, на третьих различными графическими средствами показаны результаты соревнования. Кумач и фанера прикреплены к опорным мачтам, прибиты к стенам, подвешены к потолкам. По всему чувствуется, что заводским живописцам работы хватает.

— Как видите, гласности соревнования мы придаём очень серьёзное значение, — потирая руки, сказал заместитель председателя завкома тов. Дворкович. — Впрочем, оно и понятно! Ещё в решениях

одиннадцатого съезда профсоюзов по этому поводу говорилось, что...

В течение каких-нибудь пяти минут тов. Дворкович во всех подробностях рассказал о решениях съезда. Знал он их назубок. Если бы за это ставились отметки, как делается в школе, тов. Дворкович, бесспорно, заслужил бы пятёрку. Далее он заверил, что завком эти решения принял к неукоснительному исполнению, и наконец добавил, что теперь на заводе соревнование поднято на такую высоту, что выше и поднимать уже некуда.

— И всё потому, что в этом важнейшем деле мы начисто отрешились от бюрократизма! — пояснил тов. Дворкович. — Теперь у нас всё идёт по-иному.

Он посмотрел на испещрённый лист фанеры, словно на нём были не обычные цифры, а редчайшее произведение искусства, и добавил:

— Одним словом, мы перестроились!.

С перестройкой работы завкома мы познакомились в цехе метизов. Председатель цехового комитета тов. Шкуратов откуда-то принёс «Папку для бумаг», смахнул с неё пыль, развязал тесёмки и разложил на столе исписанные листы бумаги.

— Это наши обязательства, — пояснил он. — Они совсем не похожи на прежние. Раньше было много бюрократизма. Каждый рабочий давал отдельное письменное обязательство. Получалась гора бумажной писанины.

— А теперь?

— Теперь проще, без бюрократизма. Теперь рабочему остаётся только расписаться в принятых обязательствах. Вот посмотрите, как это делается.

Тов. Шкуратов начал старательно перекидывать листы, напоминая какую-то ведомость с личной росписью получателя. Росписям предшествовала преамбула, состоявшая чаще всего из трёх пунктов:

- 1) Досрочно выполнить план текущего месяца.
- 2) Работать без брака.
- 3) Не делать прогулов и опозданий.

Эти обтекаемые обязательства без труда можно было применить в любом другом цехе и даже за пределами завода, скажем, в артели по производству детских игрушек, в палатке «Гливо — воды» или у чистильщика сапог. Никакой спецификой производства от них и не пахло. И, тем не менее, профсоюзных работников эти обязательства вполне удовлетворяли.

— Значит, план выполняете досрочно? — поинтересовались мы у тов. Шкуратова.

— Давно не было такого случая, — последовал ответ. — Плохо у нас с планом.

— Ну, а работаете, конечно, без брака?

— Какое там!.. — машет рукой председатель.

— А как насчёт прогулов?

— Грешим. Только в мае было сорок восемь прогулов.

Всё это говорилось спокойно, без душевной тревоги, будто речь шла не о брошенных на ветер обязательствах, а о чужой зубной боли.

Впрочем, и зажигательную речь о соревновании сказать куда легче, чем показать, как надо работать по-новому. Ещё проще сделать вылазку в цехи, похлопать по плечу отстающего паренька и мимоходом посоветовать ему:

— Давай, дружок, нажимай!

Внемля руководящему профсоюзному гласу, «дружок» начинает нажимать, и... то ли ему опыта недостаёт, то ли знаний, но у паренька всё получается не так, как надо. Он охотно послушал бы рассказ бывалого мастера о заправке резца, о том, как лучше держать обжимку, и о многом другом, чему хотелось бы научиться. Но, кроме плакатного призыва следовать примеру передовиков, ничего другого не находит.

Таких пареньков на заводе немало. И не только отдельные рабочие, но целые участки и цехи работают не так, как надо. Опыт лучших людей является для многих тайной за семью замками. Прогрессивные методы труда не стали достоянием большинства. И как результат — завод всё время трясёт штормовая лихорадка. То один цех, то другой, то все вместе держат на тормозах главный конвейер.

В чём же причина того, что у комбайностроителей соревнование идёт через пень-колоду? Ведь профсоюзные Добрыни Никитичи, по их же уверениям, начисто снесли голову бюрократизму. Теперь им не приходится копаться в бумажных ворохах. Или, может быть, на заводе не у кого поучиться хорошему?

Поучиться есть у кого. Например, Пётр Григорьевич Креузов на 18 лет ушёл вперёд завода. Он работает в счёт 1973 года.

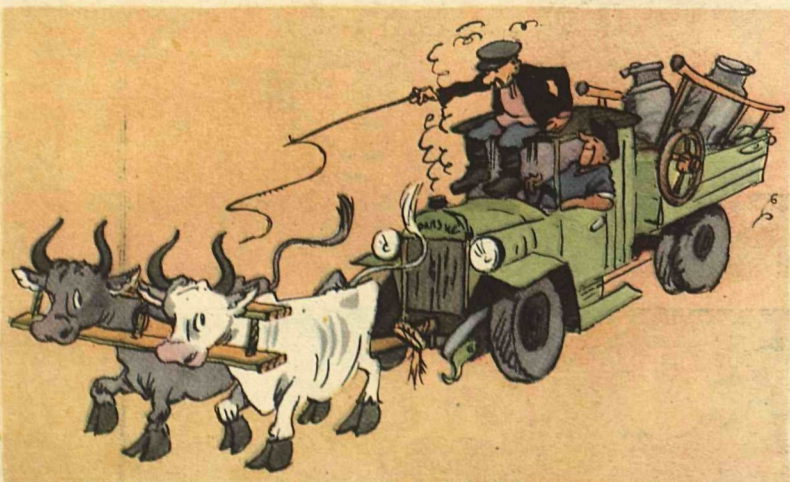
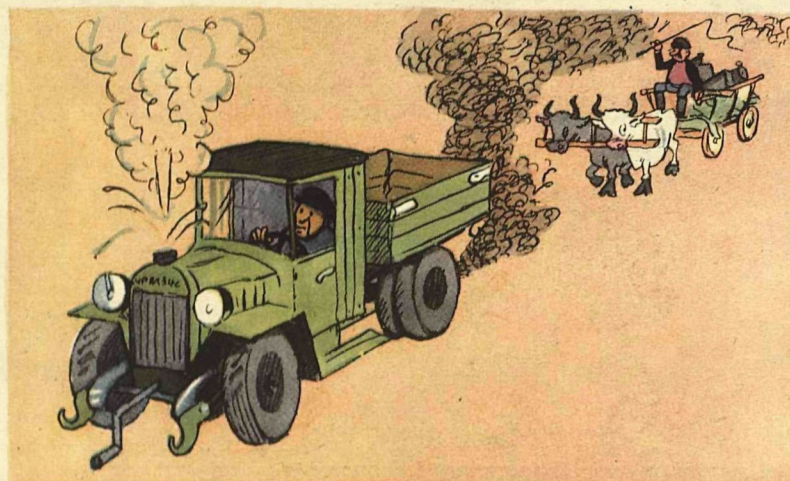
Второй механический участок цеха мостов главных колёс, возглавляемый Иваном Ивановичем Повойкиным, всё время опережает график. А таких на заводе немало.

Выходит, что поучиться есть у кого. И желающих учиться тоже много. Но вместо кропотливой работы по передаче опыта руководители завкома сводят всё к развешиванию плакатов или ходят по цехам и походя приговаривают:

— Давай, дружок, нажимай!

СЛУЧАЙ С МАШИНОЙ «УРАЛ-ЗИС»

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

И. КОСТЮКОВ

г. Таганрог.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА: — Ну, теперь всё в порядке: меры по охране зерна приняты.

Р. САРЦЕВИЧ

Директор-корректор

В кабинете директора тишь.
— Ну чего ты вошёл и стоишь?
Верно, ноги от бега горят?
Да садись же, тебе говорят!

Был начальник вошедший не смел.
Он на краешек стула присел.
— Как там план у тебя, Бородин?
— Да пока девяносто один.

— Да, не радуют эти слова,
Ты срываешь мне план не впервой.
Ты же цеху всему голова!
Голова покачал головой:

— Рад бы выполнить план всей
душой,
Да ведь план-то не в меру большой.

Ночь в запасе одна, а с утра
В новый месяц включаться пора.

Дело выправить времени мало...
На лице отразилась печаль.
Взгляд потух. И директору стало
Горемыку-начальника жаль.

— Что мне делать?

Директор в ответ:

— Не печалься! Ступай в кабинет.
Так и быть, я тебе помогу.
Только ты никому ни гу-гу.

Тот вошёл в кабинет свой, как в дом.
Снял калоши, пиджак, а потом
На диван, как на печку, залез
И лежит, ожидая чудес.

Телефон к разговору зовёт.
Нач. волшебную трубку берёт.
А из трубки доносится бас:
— У тебя сто процентов сейчас.

— Сто? Откуда? — начальник
спросил.

А директор ему пробасил:
— Чтоб в глаза не бросался изъян,
Я тебе скорректировал план.

Видишь, друг, как тебя
в трудный час
От беды и позора я спас.

* * *

Так порой корректируют план,
Скорректировав, бьют в барабан.

Из газеты «Сталинец» Московского
автомобильного завода имени Сталина.

У обочины

Жара несусветная. Неподалёку от обочины пыльной дороги возле неподвижного скрепера копошатся, громко чертыхаясь, несколько трактористов из Володарской МТС. Мимо идут с лопатами на плечах колхозники. Осведомляются:

— Как работается?

— Вашими молитвами, — хмуро отзывается усталый бригадир тракторного отряда. — А вы куда путь держите?

— Силовые траншеи для кукурузы копать.

— Это хорошо, — одобрил бригадир, — только не дюже.

— А что?

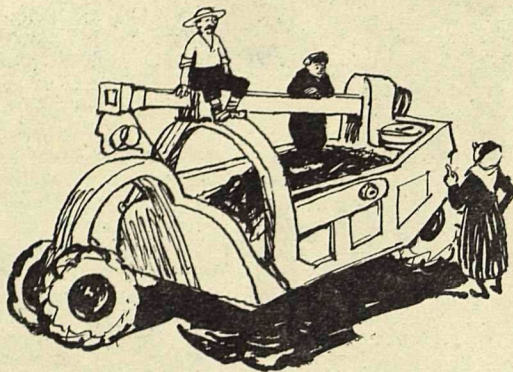
— Много ли накопаете вручную? А в нашей МТС девять скреперов. Тысячу кубометров земли за день можем вынуть. Вот к вам сейчас с машиной едем.

— Это хорошо, — похвалили, в свою очередь, колхозники. Но один из трактористов скептически покачал головой:

— Не очень!

— Почему же?

— Да никак мы к этому делу не приспособимся: то тракторы ломаются, то скрепе-

ры выходят из строя, то горючее и смазку не подвозят... Нос вытащим, хвост увязнет... Правда, наш директор товарищ Петров бодрости не теряет: исправно рапортует о достижениях, успехах...

— Ему что! — осуждающе вздохнули колхозники. — В артели «Память Ильича», к примеру, машиной за месяц едва полтраншеи вырыли. А колхозники лопатами за это время десять траншей построили. Выходит, лопата технику обгоняет...

— Что верно, то верно. — Бригадир, крихтя, поднял с земли гаечный ключ. — На холостом ходу работаем. Все землеройные машины МТС за день выполняют норму, установленную на один скрепер. А уважаемый директор всё твердит: «Работаем по графику... Простои запланированы... От других не отстанем...» Сколько раз его в райкоме, в управлении сельского хозяйства, в облисполкоме прорабатывали за неурядицы да приписки! И всё как с гуся вода.

— Да, дела у вас и впрямь идут не дюже, — посочувствовали колхозники механизаторам и отправились дальше.

...А вечером директор МТС Петров вновь докладывал по телефону областным организациям:

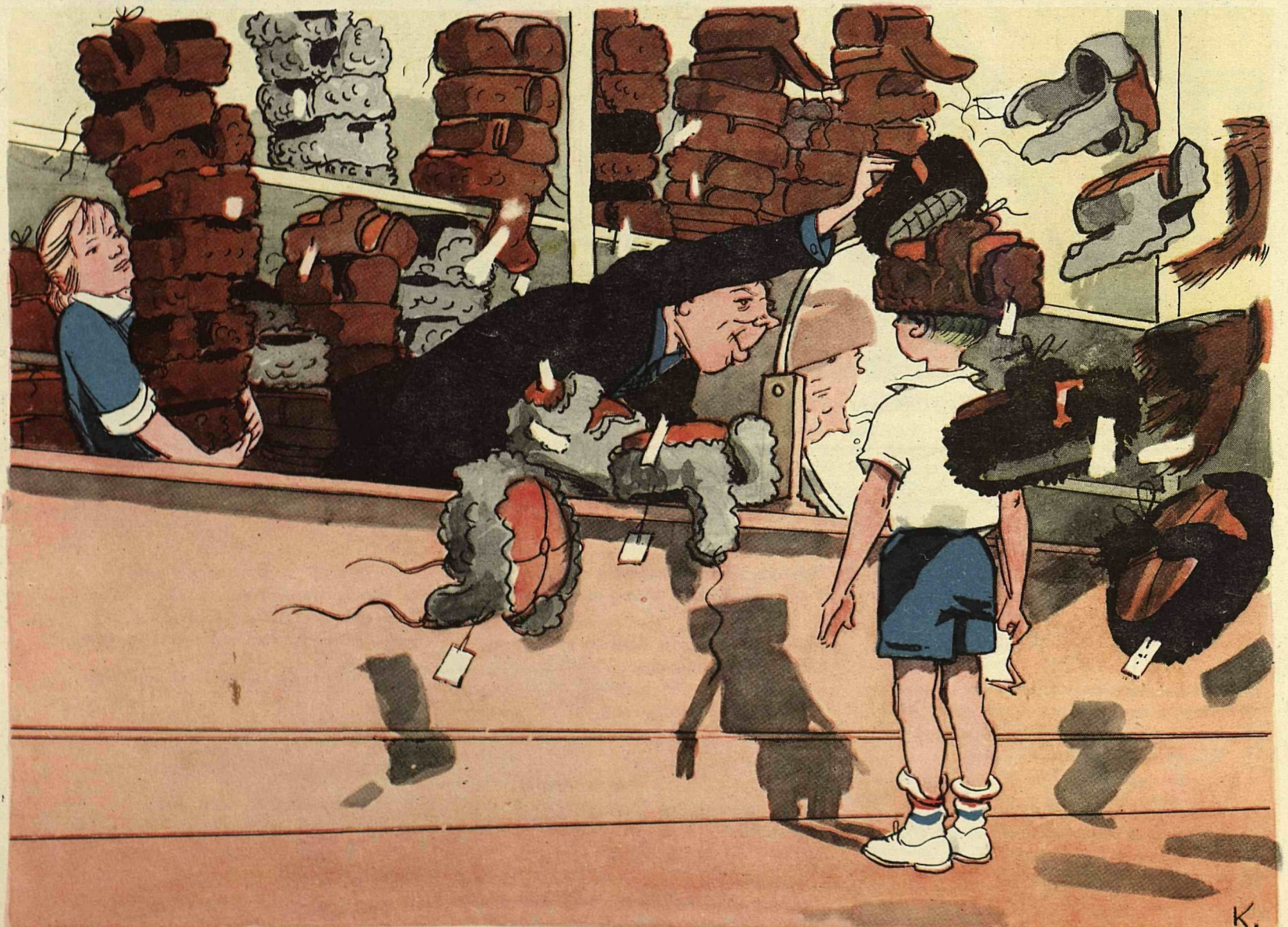
— В график вошли! Все скреперы на ходу! Кукурузу засилосуем в срок! Заверяю твёрдо и окончательно!

В. КОМОВ,
Н. СОКОЛОВ

Володарский район,
Орловской области.

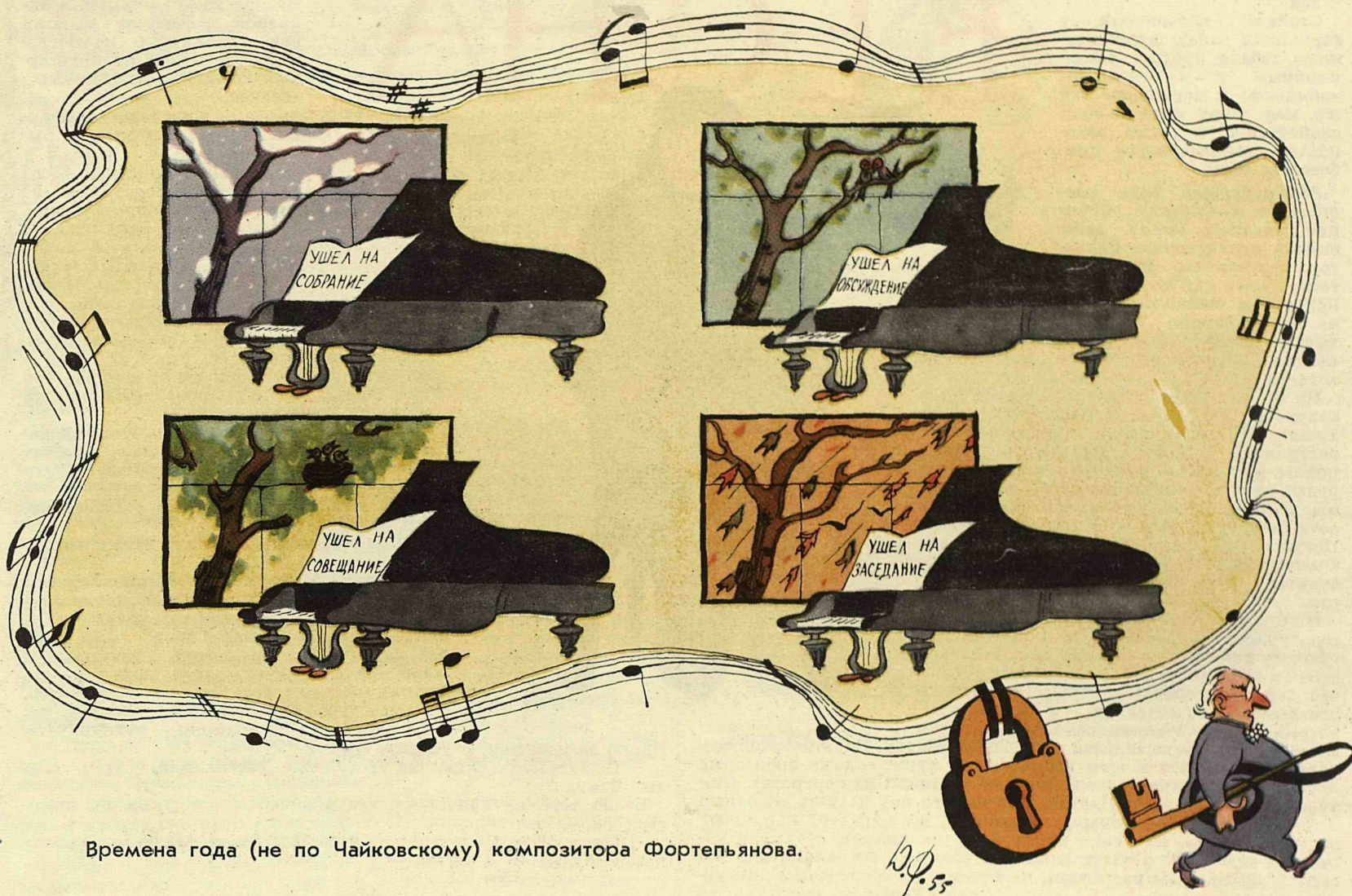
Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

К ЛЕТНЕМУ СЕЗОНУ

Шапками закидали.

К.

Времена года (не по Чайковскому) композитора Фортепянова.

П О В С Е Й Ф О Р М Е

Председатель Павлодарского облисполкома тов. Мамбетов пригласил к себе председателя областного суда тов. Кострюкова, усадил в кресло и принялся допрашивать.

— На что у вас прошлогодний январь ушёл?

— Ездил в Михайловский район. Уполномоченным по зимовке скота.

— Гм... Понятно. А чем вы в феврале занимались?

— Был в Максимо-Горьковском районе. Также уполномоченным. По подготовке к посевной.

— В мае?

— В Бескарагайском. По сенокосной кампании.

— Ну, а в сентябре?

— Там же. По хлебоуборочной. А под самый Новый год оказался под Иртышом. По ликвидации самовозгорания хлеба в бунтах... Да что вы меня всё допрашиваете? Будто не знаете! Ведь сами же меня целый год неведомо зачем по всей области гоняли!

Но тов. Мамбетов ответил на эту внезапную вспышку с похвальным спокойствием:

— Да вы, батенька, не горячитесь. Я просто уточняю, о вашей же пользе хлопочу. Мы ведь вас оформлять собираемся... Не уполномоченным, нет, а экспонентом. Понимаете? Экспонентом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

— Так бы и говорили!— сразу успокоился гость.— Что от меня требуется? Заполнить по форме анкету? Это можно.

И гость принялся точно по форме себя характеризовать. Поначалу всё шло гладко. Гра-

фы, оставленные для фамилии, имени и отчества, для указания места службы и занимаемой должности, никаких сомнений не вызывали. Но вопрос «С какого года работает в данном хозяйстве» заставил несколько усомниться: можно ли, с чисто юридической точки зрения, считать областной суд хозяйством?

Однако главное затруднение было впереди. Анкета настойчиво требовала сведений о закреплённой посевной площади и достигнутом урожае. Но тов. Кострюков, человек широкой души, никогда не учитывал, сколько редиски собрано его домочадцами на огороде. Требовались сведения о закреплённом поголовье и его продуктивности, но молоко круглый год доставлялось в семью будущего экспонента молочницей. Нужны были, наконец, цифры и факты, характеризующие «производительность труда, использование машин и другие показатели». Но если не считать использованной на всю проектную мощность легковой машины, ничего такого припомнить не удалось. И блюститель законности обратился к руководителю облисполкома за разъяснением:

— Как бы тут получить сформулировать?

И разъяснение последовало:

— Очень просто! Ходил, мол, год в уполномоченных, побывал там-то, интересовался тем-то. А уж мы, со своей стороны, всё остальное, как полагается, оформим...

Через некоторое время в том же председательском кабинете побывали начальник областного управления связи тов. Найко и заведующий облторгделом тов. Дворецкий. Разговор с ними выдержан был примерно в тех же тонах и закончился точно так же.

А вскоре последовало решение исполкома Павлодарского областного совета: представить тт. Кострюкова, Найко и Дворецкого кандидатами на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку «за перевыполнение поднятия целины и получение высокого урожая зерновых культур».

Решение аккуратно перепечатали, законвертовали и отправили в Москву. Председатель облисполкома жал кандидатам руки.

— Теперь уж,— говорил он,— дело верное. Всё сделано по форме.

Но тут тов. Мамбетова начали одолевать другие уполномоченные. Убедительно доказывая, что их кандидатуры ничуть не хуже кандидатур тт. Кострюкова, Найко и Дворецкого, они тоже соглашались быть экспонентами... И кто знает, чем бы это кончилось, если бы не Главный выставочный комитет. Не утвердил, представьте себе, ни Кострюкова, ни Найко, ни Дворецкого!

Явились кандидаты-неудачники к тов. Мамбетову:

— Эх, втравили вы нас в историю!.. На люди показаться стыдно!

— Мне бы ваши заботы!— вздохнул тов. Мамбетов.— Вы ещё дешево отделались. Выставил вас Главный выставочный комитет с выставки — и всё. А меня что ожидает? Чего доброго, вызовут, пожалуй, на бюро обкома да всыпят по первое число: «Не подбирай так безответственно кандидатов на выставку!»

А вдруг и в самом деле вызовут?

С. ЦАРСКИЙ

г. Павлодар.

Нигде так много не курят, как в редакциях и издательствах.

Стойкий кислотный, с горчинкой запах перегоревшего табака присущ редакционным и издательским кабинетам и коридорам так же, как запах иода и соли свойственен морским водорослям, выброшенным прибоем на берег.

Литературный труд располагает к курению. Сочиняя, писатель курит, дабы помочь вдохновению. Редактор, зарезав его рукопись, тоже курит для того, чтобы притушить неприятное чувство, похожее на ту жалость, какую всегда испытывает повар, полоснув ножом по горлу петуха, обречённого стать пожарскими котлетами.

Но больше всего курят в литературных консультациях — в этих маленьких чистилищах, куда начинающие писатели в возрасте от 15 до 75 лет приносят свои стихи, поэмы, рассказы и романы и получают нередко ответы стандартно-обтекаемой формы. Бывает, здесь крупинкой чистого золота блеснёт талант, но и отходы не малы. Петухов тут режут столь часто и в таком количестве, что повар — простите! — консультант не вынимает папиросу изо рта.

В этом смысле кабинет заведующего литературной консультацией издательства «Факел» ничем не отличался от других подобных кабинетов. Он был «прокурен» так, что даже уборщица тётя Настя — уж на что выносливое создание! — и та однажды потребовала в качестве спецодежды противогаз, чтобы в безопасности произвести уборку. Издательские остряки уверяли, что в этом кабинете все курят — даже бронзовые львы на ручках кресел, даже хмурые классики на портретах. Они курят ночью, когда в издательстве никого нет и лишь голодные мыши, постукивая острыми коготками по паркету, нарушают ночную тишину. Классики курят и разговаривают, обсуждая насущные проблемы отечественной литературы. Ах, какие это, наверное, интересные разговоры, непохожие на иные наши дискуссии!

Если бы можно было на всю ночь спрятать в шкаф с папками забракованных рукописей стенографистку!

...Свой рабочий день поэт Антон Трофимов, заведующий литературной консультацией «Факела», как всегда, начал с того, что закурил сигарету «Астра». Настроение у поэта было отвратительное, и к тому были веские причины: у него давно уже не ладилась начатая поэма о целине. За широким окном кабинета, в полном несоответствии с настольным календарём, скучно кружились белые мухи крупного запоздалого снега, навевая тоску на нежную душу Антона Трофимова. Он докурив сигарету, вздохнул и с отвращением подумал, что начавшийся день не сулит ему ничего хорошего. Сейчас начнут являться посетители.

Наверное, придёт какой-нибудь начинающий сорокапятилетний графоман, будет нудно жаловаться на журналы, которые отвергли его повесть из производственной жизни банковских инкассаторов на 38 печатных листах, будет, заглядывая в лицо жаками, просящими глазами, доказывать, что эту повесть необходимо издать отдельной книжкой, и будет курить, курить, курить! Или явится поджарая, краснощёкая седая дама и скажет, что она написала стихотворение о страсти, которое нужно немедленно издать, потому что «наша молодёжь не умеет красиво любить». Она будет громко — до боли в висках — читать свои ужасные вирши и тоже будет курить, курить, курить!

В дверь кабинета робко постучали.

— Войдите! — поморщившись, сказал Антон Трофимов.

Дверь открылась, и в кабинет заведующего литературной консультацией издательства «Факел» вошла... Весна.

Когда-то художники иллюстрированных журналов изображали Весну в виде молодой, привлекательной женщины в легкомысленном хитоне с разрезом и с венком полевых цветов на неправ-

ВЕСНА

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки И. СЕМЁНОВА.

доподобно красивой головке. Обычно на таких рисунках Весна куда-то мчалась в нарядной колеснице, в которую деликатные иллюстраторы запрягали не вульгарных кобыл, а белоснежных лебедей.

Весна, вошедшая в кабинет Антона Трофимова, была одета не в хитон, а в стандартное, выдавшее виды пальтишко с воротником из меха не то домашней кошки, не то дикого кролика. На голове у неё был не веночек из цветов, а лиловый берет, придававший чертам её не-

сформировавшегося, чуть скуластого, симпатично-курносого лица выражение детского доверия к миру и его обитателям. Несомненно весенними были её глаза — два бирюзовых озёрца, такие чистые, что были видны все камешки, лежащие на дне души их владелицы.

— Вы... ко мне? — спросил Антон Трофимов голосом князя из «Русалки», увидевшего маленькую русалочку на берегу омута.

— К вам, — сказала Весна. — Вы товарищ Трофимов, да?

— Да, я Трофимов. У вас стихи, наверное?

— Стихи! Мне... можно сесть?

Заведующий литературной консультацией торопливо поднялся и придвинул к посетительнице кресло с бронзовыми львами на ручках. В разъятой пасти правого льва торчал окуроч, засунутый туда каким-то нервным посетителем. Конфузаясь, Антон Трофимов извлёк окуроч из львиной пасти и, мысленно ругнув тётку

Настю за небрежную уборку, сказал:

— Пожалуйста, садитесь! И сначала расскажите о себе. Кто вы? Откуда?

Весна села на кончик кресла и доверчиво подняла на поэта свои бирюзовые очи.

— Меня зовут Смородкина... Аня. Я с Алтая приехала. С целины. Я садоводом работаю.

— Стихи давно пишете?

— Давно! С пятнадцати лет.

— А сейчас вам сколько?

— Сейчас уже восемнадцать. У меня много накопилось стихов, а какие они — хорошие или плохие, у нас в совхозе не могут определить. Таких специалистов нету. Вот наши мне и посоветовали: бери, говорят, Смородкина, отпуск, катая в Москву, пока зима ещё держится и сады сажать рано. Стихи, говорят, — это дело важное, полезное. В Москве посмотрят твои сочинения, скажут, что к чему! А вернёшься как раз к весенним посадкам!.. Посмотрите, товарищ Трофимов, очень вас прошу. И скажите, — тут Аня Смородкина вдруг перешла на шёпот, — что к чему!..

Она положила на стол к Трофимову толстую общую тетрадь в дерматиновой обложке. Бирюзовые озёрца потемнели, на скулах выступили розовые пятна.

— Значит, зима ещё на Алтае? — спросил заведующий литературной консультацией, инстинктивно не торопясь приступить к такому прозаическому делу, как разбор и анализ стихов.

— Зима! Но весна придёт, вы не беспокойтесь! У нас там так: вот зима, зима, снег, метели. А потом сразу как брызнет! И словно праздник какой: всё так и засияет кругом!.. У нас хорошо! Степь!..

— О чём у вас стихи, Аня?

— Обо всём. О красивой природе. И о людях, конечно. У нас люди очень замечательные. Тракторист есть, Прохоров Вася... Василий то есть, — его все знают на Алтае. Он у нас первую борозду провёл. Его степным соколом прозвали. Правда, красиво?

— О нём тоже есть стихи, о Соколе?

— Есть. Он хороший.

Покраснев, она сказала:

— Достойный!

— А недостойные у вас тоже есть?

— Есть! Но на тех карикатуры рисуют. В стенгазете. А которые достойные, — про тех стихи!

— Оставьте вашу тетрадку, Аня, — сказал Трофимов, почему-то вздохнув. — Я прочитаю. И приходите... Ну, хотя бы послезавтра.

Бирюзовые озёрца стали светлыми, умоляющими:

— Прочтите сейчас, товарищ Трофимов! Очень вас прошу!

Заведующий литературной консультацией покорно раскрыл общую тетрадь и стал читать стихи Ани Смородкиной.

Ах, как хотелось ему, чтобы стихи этой девушки с Алтая были настоящими, хорошими стихами, чтобы он мог подняться, протянуть ей руку и сказать: «Да ведь у вас талант, моя дорогая!» Но, увы, стихи были плохие! Даже обилие горячих чувств не искупало их обидной неуклюжести. Предстоял неприятный разговор. Весна заглянула в его прокуренный кабинет с пучком плохо зарифмованных подснежников в руке, и он обязан заморозить этот робкий дар ледяным дыханием своего приговора! Конечно, можно сказать что-нибудь оттекаемое, ни да, ни нет, но бирюзовые озёрца требовали правды, а правда была груба и жестока. Трофимов медленно достал портсигар, вставил в мундштук сигарету «Астра», закурил и... поднялся из-за стола.

— Посидите минуточку, я сейчас! — сказал он и, схватив общую тетрадь в дерматиновой обложке, выскочил в коридор. В сущности это было дезертирством.

В коридоре Трофимов сразу увидел того, кто был ему нужен. Зверь сам набежал на ловца. Зверя звали Фёдором Ивановичем Топоренко, и он занимал штатную должность редактора издательства «Факел». Товарищи звали его просто «Топор» за резкую прямолинейность суждений и железный характер. Самые неприятные объяснения с самыми нервными и самыми скандальными авторами поручались «Топору», и он не без удовольствия рубил с плеча.

Трофимов остановил Топоренко и, смущаясь, кое-как объяснил ему свою просьбу.

— Ругай меня как хочешь, — закончил поэт свою путаную речь, — но не могу я ей сказать прямо в лицо, что стихи у неё... плохие! У неё, брат, такие глаза!.. И вообще не хочется мне её огорчать! Поди скажи ты. Тебе ничего, ты это любишь.

— Втюрился? — грубо спросил «Топор», почесав небритую, колючую щёку.

— Пошлая! Она мне... почти в дочки годится. Просто она такая... Ну, как тебе сказать... как Весна. Или как Алёнушка васнецовская. Понимаешь, «Топорище»?!

— Я понимаю, что ты сентиментальный, мягкотелый, слюнявый, старомодный интеллигент, которого надо гнать из редакции железной метлой. Давай рукопись!

Он взял у Трофимова общую тетрадь в дерматиновой обложке, уткнул в неё свой бледный нос и стал как бы грызть близорукими глазами стихи Ани Смородкиной. Потом он сказал: «Всё ясно! Обожди меня здесь!» — и решительно рванул дверь в кабинет заведующего литературной консультацией издательства «Факел». Когда «Топор» снова вышел в коридор, странная, блуждающая улыбка делала неузнаваемой его суровую, щетинистую физиономию.

— Ну что? — спросил Трофимов.

— Славная девушка! — неопределённо ответил «Топор» и вдруг раздражённо прибавил: — Я отдал ей рукопись и сказал, что ты сейчас придёшь. С какой стати я должен выполнять за тебя твои служебные обязанности?!

...Через час Топоренко заглянул к Антону Трофимову. Поэт сидел за столом и, дымя сигаретой, что-то писал.

— Сказал? — спросил «Топор», криво усмехаясь.

— Сказал!

— Ну и как она?

— Ничуть не огорчилась. Во всяком случае, вида не подала. Сказала, что так и думала про свои стихи, — ну, что они плохие и что ей нужно работать над собой, учиться... и так далее. Подумала, вздохнула и добавила: «Ничего, что стихи у меня пока плохие, зато сады будут хорошие». Что же, говорит, делать, если настоящие поэты к нам на целину редко приезжают? Без стихов, мол, там никак нельзя. Вот и приходится сочинять стихи на месте самим. И знаешь, как-то неловко мне сделалось: уж очень наша братия обленилась, тяжела стала на подъём!..

Всё так же криво усмехаясь, Топоренко спросил:

— Это ты для неё пишешь заключение?

— Нет, — ответил поэт, — заявление я пишу об отпуске. — Он томно потянулся. — Устал я, «Топорище» чертовски, сидя в этой копилке. Надо проветриться, подышать жизнью, чтобы осенью двинуть поэму. Ты куда в этом году думаешь?

— Как всегда, на Кавказ. А ты?

— А я — в Крым!

— Не признаю крымского побережья. Сухо, жарко, голо!

— Э, нет. Ты, брат, недопонимаешь! — сказал поэт. — Крым это... вещь! Возле Мисхора есть один маленький домик отдыха. На тридцать человек!.. Сидишь в одних трусах на пляже и играешь в преферанс!.. Не жизнь — мечта!..

— И всё-таки Кавказ лучше!..

— Ну, это ты брось!..

И они стали спорить страстно, ожесточённо, со вкусом, забыв всё на свете!..

Рисунок М. ВИТНОГО.

Рентгеновский снимок сердца покорителя сердец.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

ДИРЕКТОР ПАРКА:— Как видите, в деле обслуживания посетителей нами сделаны гигантские шаги.

Поздним вечером кузнец Иван Сергеевич услышал стук в окно.

— Открой, хозяин, дело есть! — послышался голос председателя артели «Вперёд к коммунизму» Николая Ивановича Салманова.

Поздний визит председателя не удивил кузнеца. Мало ли что могло случиться! Может, сенокосилка из строя вышла или автомашина поломалась.

Пока хозяин возился в сенцах, председатель кому-то махнул рукой.

Едва приоткрылась дверь, как в сенцы силой были втолкнуты ящики. Тут же раздался жалобный писк. Спутники председателя незамедлительно скрылись в темноте.

— Опять! — обречённо вздохнул хозяин.

— Опять! — согласился с ним Николай Иванович Салманов. — Тебе на этот раз всего двести штук. Не ночевать же младенцам на улице! Души ведь живые, к тому же подотчётные.

— Ума не приложу, что делать! Завтра с утра лошадей ковать надо, жатку налаживать. Жена на прополку уходит. Днём бы заглянул, что-нибудь придумали бы.

— Э-э, нет, голубчик!. Днём ещё отказываться будешь. Ночью ни у кого рука не поднимется выкинуть... Ну, бывай здоров. Надо побыстрее обойти деревню, — торопливо сказал председатель и зашагал к соседнему дому.

Там его уже ждали люди с новыми ящиками в руках. Опять стук в окно, громыхание ящиков, писк и затем шумный разговор. Словом, в эту июньскую ночь село Чертовицы не спало.

— Кукушки идут! — с тревогой перекликались соседки. — И когда это кончится?

От обычных лесных кукушек чертовички отличаются тем, что подбрасывают ежегодно в чужие гнёзда не яички, а живых птенцов, только что полученных с инкубаторной станции. Вот и сегодня утром позвонили из райисполкома:

— Немедленно забирайте с инкубаторной станции цыплят.

— Сколько? — испуганно спросил Салманов.

— Три тысячи!

— Три тысячи! — воскликнул председатель таким тоном, словно речь шла не о

ЧЕРТОВИЦКИЕ КУКУШКИ

желторотых птенцах, а по меньшей мере об уссурийских тиграх. — Что я с ними буду делать? Курятник-то не готов.

Председатель робко спросил, нельзя ли, дескать, механическую насадку несколько попридержать.

— Инкубаторная станция ждать не может, — ответили ему. — Иначе спишем с вас деньги, а цыплят отдадим другим.

— Ни слова об этом никому, — предупредил нынешнего председателя его предшественник Семён Михайлович Алисов. — Снаряжай грузовик в Бор, будто за цементом. Поставим колхозников перед свершившимся фактом. Не впервой так поступать.

Вечером тов. Салманов вместе с другими членами артели обходил дома:

— Возьмите на время, не погибать же птице!

На следующий день кузнец опаздывает на работу. Он крошит яичный белок птенцам и сзывает их нежным «цып, цып». А возле кузницы стоит табун лошадей, сломанная жатка. Половина женщин не является на прополку. Шутка ли, почти в каждый дом подброшено от двухсот до трёхсот цыплят! Поди-ка выходи такую ораву без насадок, без специального помещения! Поэтому к вечеру в правление стали поступать сведения о потерях:

— У Анастасии подохло полсотни.

— У тракториста тоже.

— Писать акт или нет? — с готовностью спрашивает председателя счетовод.

— Подожди. Сперва передай в райисполком сводку, что все цыплята взяты с инкубаторной станции. Потом займёмся актами. Звони!..

— Очень хорошо! — обрадовался председатель Березовского райисполкома тов. Моршак, узнав, что в Чертовицы доставлена партия цыплят. — Прямо великолепно!

Ободрённый этой похвалой, счетовод тут же начал писать акт на погибших младен-

цев куриного племени. Писал быстро, бойко. Дело это весьма знакомое. Вместо курятины и яичек артель ежегодно составляет кипу таких актов.

Нельзя сказать, что они остаются незамеченными. Каждую зиму на отчётно-выборном собрании происходит один и тот же разговор:

Колхозники. Почему погибли цыплята? Председатель. Потому, что нет курятника.

Колхозники. А почему ж не построили? Председатель. Деньги израсходовали на покупку цыплят.

Вёл такие разговоры бывший председатель Семён Михайлович Алисов. Ведёт их нынешний председатель Николай Иванович Салманов.

У нас нет официальных данных о том, что предпочитает за обеденным столом председатель райисполкома тов. Моршак: интересуется ли он курятиной или же с наслаждением вкушает гусятину. Правда, в тех же Чертовичах ходят слухи, что тов. Моршак с удовольствием кушает и то и другое. Но это, конечно, дело личное. Плохо только то, что в течение последних лет у районного руководителя не проявился вкус к развитию общественного птицеводства. О цыплёнке как кандидате в курицу и петуха тов. Моршак вспоминает всего дважды в год. Во-первых, когда надо готовиться к докладу о развитии общественного животноводства. Тут вместе с поголовьем крупного рогатого скота он называет и внушительную цифру выпущенных инкубатором цыплят. Во-вторых, когда на инкубаторной станции раздаётся писк птенцов.

— Берите немедленно цыплят! — кричит председатель.

На этом все его заботы о птице заканчиваются. Вот почему в той же артели «Вперёд к коммунизму» за последние три года получили с инкубаторной станции 12 тысяч цыплят. За них уплатили 18 тысяч рублей. А имеется здесь сейчас 260 кур и 22 петуха. Остальные отдали богу душу на заре туманной юности.

Нет, не считают в Чертовичах цыплят по осени! Здесь осенью и считать-то нечего.

А. ЕРОХИН

Воронежская область.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Министр финансов.

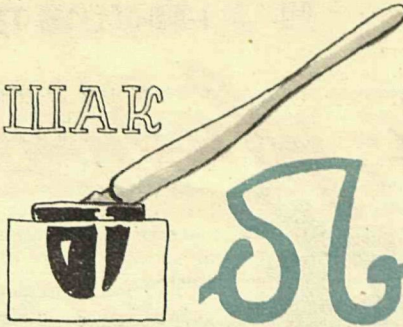
Министр почт и телеграфа.

Министр труда.

С. МАРШАК

"Зубная боль"

В дверь поликлиники одной
Вбежал взъерошенный больной,
Большим обвязанный платком
С торчащим кверху узелком.

Был у него жестокий флюс,
Перекосивший правый ус,
А слева был такой же флюс,
Перекосивший левый ус.

Больной был сумрачен и зол:
Два зуба вырвать он пришёл,
Два крайних зуба с двух сторон,
Как говорится, с корнем вон!

— В какой пройти мне кабинет! —
Спросил он даму средних лет,
Но услышал в ответ слова:
— Зарегистрируйтесь сперва.

— Вы что: смеётесь надо мной! —
Взревел в отчаянии больной. —
Простите, я, быть может, груб,
Но сто чертей сверлят мой зуб!

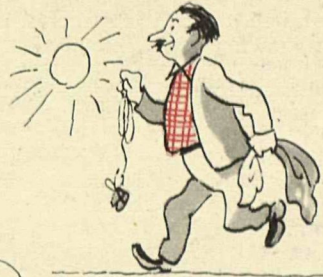
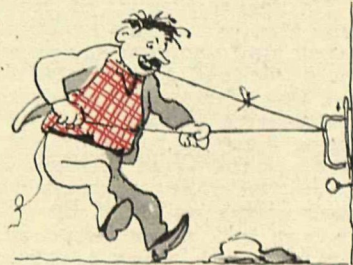
В ответ — бесстрастные слова:
— Зарегистрируйтесь сперва.

Идёт он, проклиная свет,
К другой особе средних лет
И ждёт, пока, поудрив нос,
Она начнёт чинить допрос:

— Где родились! Вам сколько лет!
Лечились раньше или нет!
Национальность! Должность! Стаж!
Образованье! Адрес ваш!..

Вопросов двадцать задала
Особа, сидя у стола.
Когда ж спросила наконец:
«Болел ли корью ваш отец!» —

Больной сорвал с распухших щёк
Узлом завязанный платок
И, привязав шпагат к зубам,
Себе два зуба вырвал сам...

Бывшие буржуазные правители Литвы, Латвии и Эстонии, находящиеся на содержании империалистов, всё ещё не теряют надежды восстановить в Советской Прибалтике капиталистические порядки.

Министр транспорта.

Министр торговли.

Заседание кабинета министров.

Приходи, увидишь меня на тракторе!

Все радовались, когда открыли машинно-тракторную станцию у нас в Чучене. Только отец ругался. Ох, как ругался! И трактористов ругал и директора. Всех. Мама родная, что сделали бы трактористы с отцом, если бы они это услышали! С трактористами не шути! А думаешь, отец так глуп, чтобы ругать их в лицо? Как бы не так! Он ругался дома. Кроме нас, никто его не слышал.

По правде говоря, со своей точки зрения отец имел право ругаться. Потому что из-за этой машинно-тракторной станции у него убежала дочь. Да-да, моя сестра Рица. Она убежала с трактористом. Отец его называет обманщиком. А он хороший парень. Ездит на тракторе, сам его чинит да и в электричестве понимает. Если хочешь знать, он может вскарабкаться на стальных когтях на столб. Он провёл электрический свет в дом Петре. Дай ему проволоки, он и у тебя в доме устроит освещение, если надо. Ну, скажи, может быть обманщиком человек, который столько знает?

И вообще, если хорошенько подумать, сестра Рица вовсе не виновата, что убежала с этим парнем. Во всём виноват сам отец. И мать тоже. Потому что она подпевала отцу.

Ты ведь ничего не знаешь! Отец хотел выдать Рицу за сына Голгоазз. Встретились они со стариком Голгоазз за стоковой цуйки¹. И всё устроили. Ни старый Голгоазз не поговорил с сыном, ни отец не спросил Рицу, нравится ли ей парень.

Отец давно поглядывал на сына Голгоазз: малый он неглупый, в армии уже отслужил, хороший колесник. Чтобы сделать обод, ему, кроме скобеля, ничего и не нужно. Он и телегу может сделать, с боковыми стенками, как следует.

И крёстный Потроакэ говорил отцу так... Ты не знаешь крёстного Потроакэ? Быть не может! Ведь он жил в Бухаресте лет десять. Торговал на старом рынке. Потом вернулся в деревню, уж не знаю, почему. В галстук ходит. Он меня крестил. Вот он и говорит отцу:

— Послушай, Феран, ты знаешь ведь, что я тебе только добра желаю. Выдавай дочь за моего двоюродного брата. За сына Голгоазз. Вы оба колесники. Откроете здесь, в Чучене, такую мастерскую, что о ней слава пойдёт!

— Какую теперь можно мастерскую открывать, кум? Разве сейчас время для мастерских? Как будто я её не открыл бы! Не выйдет это. Как раз думали мы с Флоарей, не пойти ли мне в коллективное хозяйство колесником. Они уж заговаривали со мной насчёт этого, да не знаю...

— Дело твоё! Но мой совет — совет человека, который хочет тебе добра. Намотай себе на ус то, что я тебе говорю: если хочешь идти работать в коллективное хозяйство, — дело твоё. Дело твоё, Феран. Но я только скажу, что сын Голгоазз — парень хороший.

Когда Голгоазз пришёл свататься, моя сестра Рица только и могла кивнуть головой: мать-то стояла за её спиной. На том старики и порешили. Отец сказал, сколько за ней даёт, вот и сторговались.

Сторговаться-то они сторговались, а только Рица стала плакать. Не нравится ей сын Голгоазз, и всё тут. А старикам что,

если он ей не нравится? Главное, они сами договорились. И могоарыч распали.

Что за свадьбу готовили! Пятнадцать ведер вина купил отец. Цуйки целую бочку. И двух телят. И птицы видимо-невидимо. И золотой веночек. И свадебное платье с большой вуалью, белой, как молоко. И ещё в подарок красную ленту. И двух индюков. И флакон одеколора.

Отец отправился в Леордень за музыкантами. Нанял их за две тысячи. С четверга начались приготовления. Мой крёстный по знакомству даже на пишущей машинке приглашения опечатал.

Я дождался не мог, чтобы кончился весь этот шум. Честное слово, меня ноги больше не носили! Поди, Тудор, туда! Беги, Тудор, за этим! Отнеси то! Принеси другое! И хотя бы ещё мне нравился мой шурин. Но, честное слово, он мне не нравился. Нос у него, как у той птицы, что вытаскивает билетки на ярмарке. Нет, не нравился он мне. И как-то выругал я его.

— Кого ты ругаешь, Тудор? — спросила меня Рица.

Рисунки Бориса ЛЕО.

— Того, за кого ты выходишь замуж.
— Разве я выхожу? Отец меня выдаёт.
И вижу, слёзы у неё на глазах.
— А тебе он нравится, Рица?
— Не нравится, Тудор!
— А кто тебе нравится?

Она только вздохнула.
— А я знаю, — сказал я. — Санду с машинно-тракторной станции. Тракторист, который привёз тебе из города бусы и кольцо. Он знает, что ты выходишь замуж?

— Только отцу не говори. Я сегодня вечером с ним уживусь.

— Ну и что?
Она не ответила.
Ну, и расстроила Рица свадьбу. Когда уже всё было готово и пришла Никулина Ликсандреску, чтобы нарядить невесту, хватились Рицы, а её и след простыл!

И музыканты пришли. Столы уже накрыли, всё зажарено...

Ох, и скандал был! Слышанное ли это дело — невеста убежала! Отец не знал, что делать. Рицу искали даже в колодце. Только я один всё знал, но не сказал никому. Рица убежала с трактористом к нашей родственнице в Добрешть. А я сказал отцу, чтобы он искал её на чердаке. Он её там и искал.

Если бы ты тогда увидел отца! Он прямо почернел от гнева. Пятнадцать ведер вина, бочка цуйки, два телёнка да ещё задаток музыкантам! Шутка? Отец так на меня смотрел, будто это была моя свадьба. Ему, видно, жалко было, что не моя. Он женил бы меня сейчас же! А то ведь столько добра пропадает!

Голгоазз и крёстный Потроакэ до сих пор не здороваются с нами. И чуть с отцом не подрались.

— Никогда не прощу, что ты так осрамил нас! — орал Голгоазз.

Наконец немного успокоились. Отец узнал, где Рица. И передал ей, чтобы она вернулась домой, что он её простит. Приехала Рица с трактористом. Они уже были женаты. Поженились в народном Совете. У них и свидетели были. Теперь уж их не разлучишь! Мама сказала, что справит им свадьбу. Тогда и я попляшу.

Теперь понимаешь, почему отец ругает трактористов?

Ты знаешь наших коров Джойану и Меркурику? Я как-то пошёл пасти их. И мне захотелось посмотреть тракторы на поле. Ты видел трактор вблизи? Ну, в общем я подружился с одним трактористом, и он мне позволил посмотреть на трактор сколько угодно. И позволил влезть на то сиденье, с которого управляют. Я так и сделал. Оставил коров одних, а ты ведь знаешь, что случается, если оставить их одних. Моя спина тоже это знает...

Думаешь, сколько прошло времени после той истории со свадьбой, что я тебе рассказал? Год. Целый год. А знаешь, что произошло за этот год?

Моего шурин Санду выбрали в районный народный Совет. Но он и на тракторе работает. А Рица — директор клуба, хотя у неё образование — только семь классов. Ты видел эти афиши, что расписаны красками? А картинки в стенной газете? Так это она их сделала. За ней даже приезжал один учёный человек из Бухареста. Но не увёз её. Может быть, потому, что она должна родить. Санду хочет, чтобы был мальчик.

А отец теперь работает колесником в коллективном хозяйстве. А мать в бригаде Данеша. Ты знаком с Данешом? С тем самым, который ещё два года назад подписаться не умел? Теперь он бригадир.

А хочешь, я тебе скажу такое, что ты и на ногах не устоишь? И я тракторист! Не веришь? Да, мне всего пятнадцать лет. А я экзамен сдал. И мне дали трактор. Ничего мудрёного нет водить трактор: заводишь мотор, садишься за руль, включаешь сцепление, нажимаешь акселератор — и трактор пошёл. А если включишь сцепление слишком резко, мотор заглохнет. Надо включать плавно. Ну, теперь веришь? Если сомневаешься, приходи в Чучень, увидишь меня на тракторе.

Перевела с румынского
Д. ШПОЛЯНСКАЯ.

¹ Цуйка — румынская сливовая водка.

ПОРОК НАКАЗАН

Один из мелких чиновников какого-то тайландского ведомства имел все основания чувствовать себя скверно. На пятом году службы попасть в такую неприятную историю! Сослуживцы донесли, что он без ведома начальства берёт взятки. «Конечно,— мрачно рассуждал чиновник,— взятка — всё-таки зло, с которым надо бороться. Но что делать, когда жизнь так дорога? Может быть, простят...»

Однако жизненный опыт подсказывал ему, что пощады ждать нечего. В самом деле, он нарушил две основные заповеди людей своего круга. Во-первых, сам взятки брал, а с начальством не делился, во-вторых, попался.

Шеф встретил его с подозрительной любезностью. И даже предложил стул.

— Я хочу поговорить с тобой,— мягко начал он,— как отец с сыном. Просто так, по душам.

Чиновник тоскливо молчал, предчувствуя недоброе.

— Мне доно... гм... рассказывали о твоём проступке,— вкрадчиво продолжал шеф,— и я содрогнулся при одной только мысли, что мой коллега, уважаемый человек, вступил в конфликт с совестью. Укажи мне, своему покровителю, причину нравственного падения; я искренне хочу тебе помочь.

Чиновник с удивлением смотрел на шефа и

не узнавал его: добрая улыбка, участливый взгляд... Он почтительно кашлянул и начал рассказывать. Но едва дошёл до описания жизни своей семьи, как шеф прервал его:

— Ты читаешь какие-нибудь газеты, ну, например, «Бангкок пост»?

— Нет, политикой не интересуюсь,— последовал робкий ответ.

— Ну, а что ты пьёшь по утрам?

— Кофе,— выдавил из себя чиновник.— В день получения жалованья — с сахаром...

— С сахаром, говоришь? Да ты к тому же и при галстуке?

— Да. А как же без галстука?

— Носовые платки?

— Полдюжины на всю семью.

— Запонки?

— Есть,— отвечал чиновник, удивляясь повышенному интересу шефа к его скудному гардеробу.

— Теперь мне всё ясно! — вскричал шеф.— Вот она, причина твоего падения! Да будет тебе известно — а впредь советую тебе читать «Бангкок пост», — что для изучения способов снижения высокой стоимости жизни в нашей стране создана специальная комиссия под командованием фельдмаршала Пин Чунхавана. Члены комиссии, только и пекущиеся о благополучии тайландцев, установили, что такие,

как ты, расходуют слишком много денег на предметы роскоши: кофе, галстуки и прочие запонки. Как видишь, выводы комиссии, приведённые в «Бангкок пост», точно совпадают с твоими ответами. Привычка к роскоши требует много денег. Вот где причина твоей бедности, а ведь от бедности и происходят все пороки...

Чиновник молчал. Хотя он и не интересовался политикой, но всё-таки краем уха слышал о громадных военных расходах Таиланда, о пагубной экономической и торговой политике правящих кругов. Сказать же об этом, конечно, не решился...

Утомлённый нравоучительной беседой, шеф поднялся из-за стола с сознанием исполненного долга:

— Я решил простить тебя и помочь стать на правильный путь. Ты должен отказаться от всяких этих дорогостоящих галстуков и напитков, ввергающих тебя в бедность. Что же касается взя... хм... побочных доходов, то я не буду возражать, если ты захочешь отблагодарить меня за отеческое внимание и заботу о тебе... Впрочем, ты меня понимаешь, разумеется. Будь же впредь благоразумен. Иди работай.

Порок был наказан. Справедливость восторжествовала.

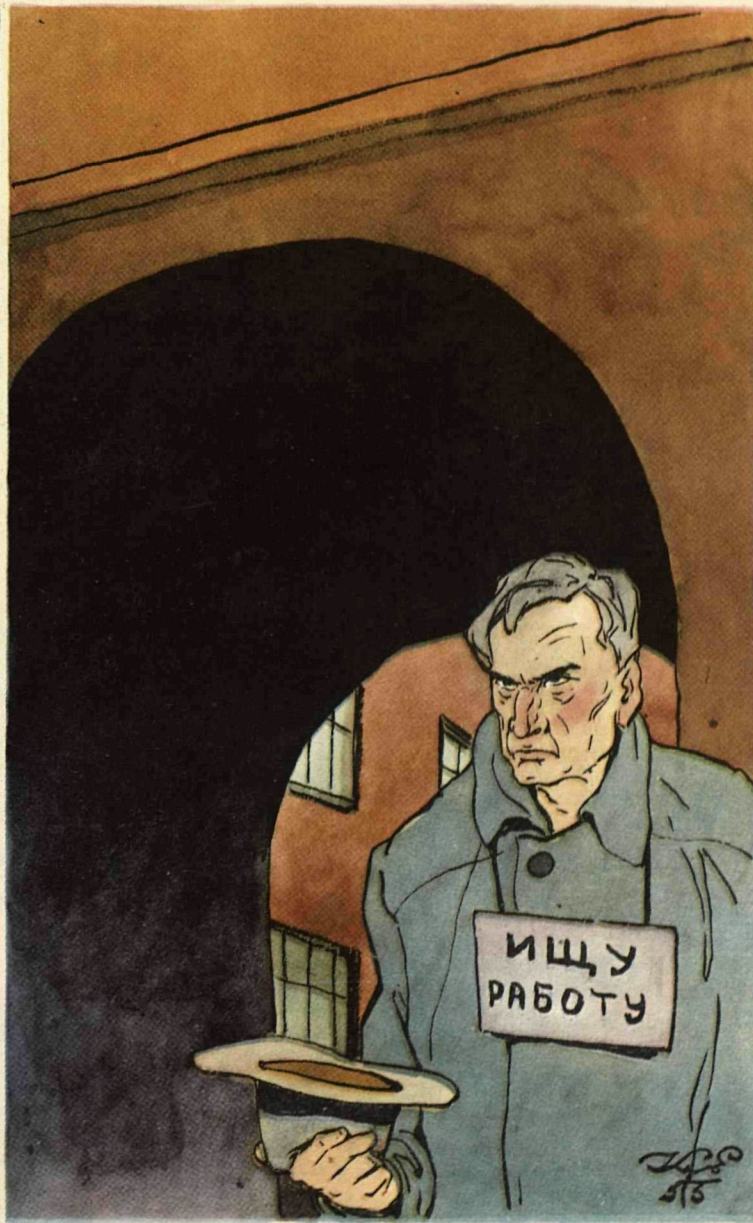
А. ФИЛИППОВ

СУДЬБА ЧЕМПИОНА

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Сначала Джон Смит стоял в этих воротах...

...а потом в этих.

О КОСИНУСЕ ФИ И КОСНОСТИ

Представьте себе электростанцию, оснащённую новейшей техникой. Ходишь и любишь, как умно всё устроено. Как ритмично и чётко работают гиганты-машины! Но, странное дело, у всех окружающих почему-то озабоченные лица, они чем-то встревожены. Оказывается, не любоваться надо, а возмущаться: станция работает с большой недогрузкой, а в иные часы и вовсе вхолостую. На языке специалистов это значит: косинус фи, то есть коэффициент мощности станции, резко понизился. Надо бить в набат! Надо принимать срочные меры! А то, чего доброго, узнают в министерстве, и тогда заварится такая каша, что не скоро её расхлебашь.

Теперь представим себе контору, где сидит и трудится административно-управленческий персонал, обслуживающий электростанцию. На первый взгляд здесь всё обстоит благополучно. Ритмично и чётко скрипят перья, расходуются тонны бумаги, аккуратно хранятся папки... Никаких опозданий, ни единого прогула! Ходишь и любишь! Но присмотритесь внимательнее, и вы увидите, что перья скрипят вхолостую, что исписываемая тоннами бумага никому не нужна, что в папки никто никогда не заглядывает. Выходит, не любоваться, а возмущаться надо! Ведь низкий косинус фи работы персонала не менее опасен, чем низкий косинус фи установок переменного тока! Но почему не видно кругом встревоженных лиц, почему не бьют в набат?

Заглянем, к примеру, на Челябинскую грэс. Возьмём хотя бы инженера по технике безопасности Клепикова. Он, как и его предшественник на этом посту Нероев, вынужден три четверти рабочего дня слоняться без дела. От скуки с ума можно сойти! Чтобы как-то загрузить себя, Клепикову остаётся только позаботиться о безопасности инженера по подготовке кадров Просвира, который тоже занят в день не больше двух часов и вовсе умирает от тоски.

Правда, Просвира мог бы обратиться за руководящими указаниями к своему начальству в районное управление Челябэнерго. Там штатным расписанием в течение нескольких лет также была предусмотрена должность инженера по подготовке кадров. Но завидовать товарищу, исполнявшему эти замысловатые обязанности, не приходилось. Ему самому было неизвестно, как убить время, а тут извольте ещё руководить и периферийными товарищами, которые томятся от безделья! Что же получалось? Один, фигурально выражаясь, воробь считал, а другой — эти подсчёты проверял.

При желании, конечно, можно было бы и инженеру по подготовке кадров Челябэнерго порекомендовать: пусть изучал бы плодотворную деятельность начальника учебного комбината Григорьевой. А это не так просто! Григорьева вроде генерала без армии: числится начальником учебного комбината, а самого комбината, извините, нет и в природе.

В несколько лучшем положении начальник гидрослужбы Челябэнерго Мантуров. Этот хоть продемонстрирует план работы. Какие там конкретные задания! «Проследить», «проконтролировать»... Вся бумага испещрена галочками! И каждая галочка сулит премию за выполнение плана.

А вот сотрудники службы автоматки не хотят автоматически сидеть сложа руки и сами находят себе работу. Не щадя времени и сил, они охотно выполняют такие внеплановые поручения, как «составить квартальный план и сдать дела в архив», за что, разумеется, получают особую плату.

Словом, нетрудно убедиться в том, что косинус фи административно-управленческого аппарата челябинской энергосистемы весьма невысок. Но почему же тут

не бьют в набат? Неужели этот косинус фи мало кого волнует?

Впрочем, здесь били в набат. Кто? В первую очередь сами бездельники поневоле. Главный бухгалтер Энергосбыта Тихонов устно и письменно бомбардировал начальство заявлениями:

— Мне стыдно получать «зряплату!» Прошу перевести меня на производство, где есть нужда в квалифицированных кадрах.

Эпиграммы

КТО ОНИ!

(Уравнение с двумя неизвестными)

Икс пишет реже,
А Игрек чаще.
Сюжеты те же,
Но Игрек — слаще!

ХАЛТУРЩИКУ-РЕЦИДИВИСТУ

Твоей приевшейся ухи
Нам довелось опять откусать.
Запишем: слушали стихи,
Постановили: впредь не слушать!

КОРОТКО О ФИЛЬМЕ

Всего две серии
И обе — серые.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

Сам сочиняет,
Сам дирижирует,
Сам одобряет,
Сам аплодирует.

ПРИСКОРБНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

В его писаниях не сыщешь неполадок.
Есть рифмы, образы и прочий реквизит.
О чём, бишь, писано! Не помню.
Стих так гладок,
Что мимо памяти скользят.

НЕТ, НЕ БЕЛИНСКИЙ!

Судья писательских успехов,
Он в продолжение долгих лет
Писал о каждом: «Нет, не Чехов!» —
И... приобрёл авторитет.

Эмиль КРОТКИЙ

Главный бухгалтер Челябинской грэс Киселёв выступил в многотиражной газете со статьёй о разбухших штатах. Главный бухгалтер Челябэнерго Макаричев подсчитал, во что обходится низкий косинус фи работы аппарата, и поставил перед начальством вопрос:

— Надо упростить и сократить штаты. Казалось, те, кому по штату положено бороться с раздутыми штатами, поддержат — полностью или частично — это предложение. Но не тут-то было!

Заведующий челябинским финотделом Шатилов, управляющий Челябэнерго Звягинцев, руководители Главуралэнерго Маринов и Епишин — все они искусно заизолировали свои возражения глубокомудрыми аргументами, смысл которых сводился к одному:

— Не нами это заведено, не нам и порядок наводить. Будет сверху команда, тогда мы в два счёта, а пока — ни-ни!..

А команды сверху, как назло, долго не было. Неожиданно в октябре прошлого года в Челябинск приехал начальник центральной бухгалтерии Министерства электростанций Ф. А. Московский. Раньше и он относился к предложениям Макаричева скептически. Затем, когда лично убедился в том, сколько лишних звеньев в управленческом аппарате, сколько людей работает совершенно вхолостую, он резко изменил свою точку зрения и доложил об этом тогдашнему министру, а ныне первому заместителю министра А. С. Павленко:

— В Челябинске есть все условия, чтобы приблизить аппарат Челябэнерго к производству. Без ущерба для дела можно сократить административно-управленческий персонал на 156 единиц и сэкономить за год до двух миллионов рублей. Вопрос очень важный. Прошу создать комиссию. Пусть она свяжется с предприятиями и вместе с ними представит своё заключение.

Надо отдать должное, в системе Министерства электростанций линия передачи работает исправно. Докладная Московского со всеми расчётами пошла по инстанциям: побывала у А. С. Павленко, у заместителей министра В. С. Ермакова и Г. И. Когтева... Потом по ступенькам стала спускаться всё ниже и ниже, пока не обрела покой в папке неизвестного чинуши. И тут произошло замыкание. Не короткое, а довольно продолжительное.

Прошло пять месяцев. И вдруг Макаричев и Московский получили ответ. Их словно током оглушило: без них, без участия челябинских предприятий их предложения были кем-то рассмотрены и отвергнуты.

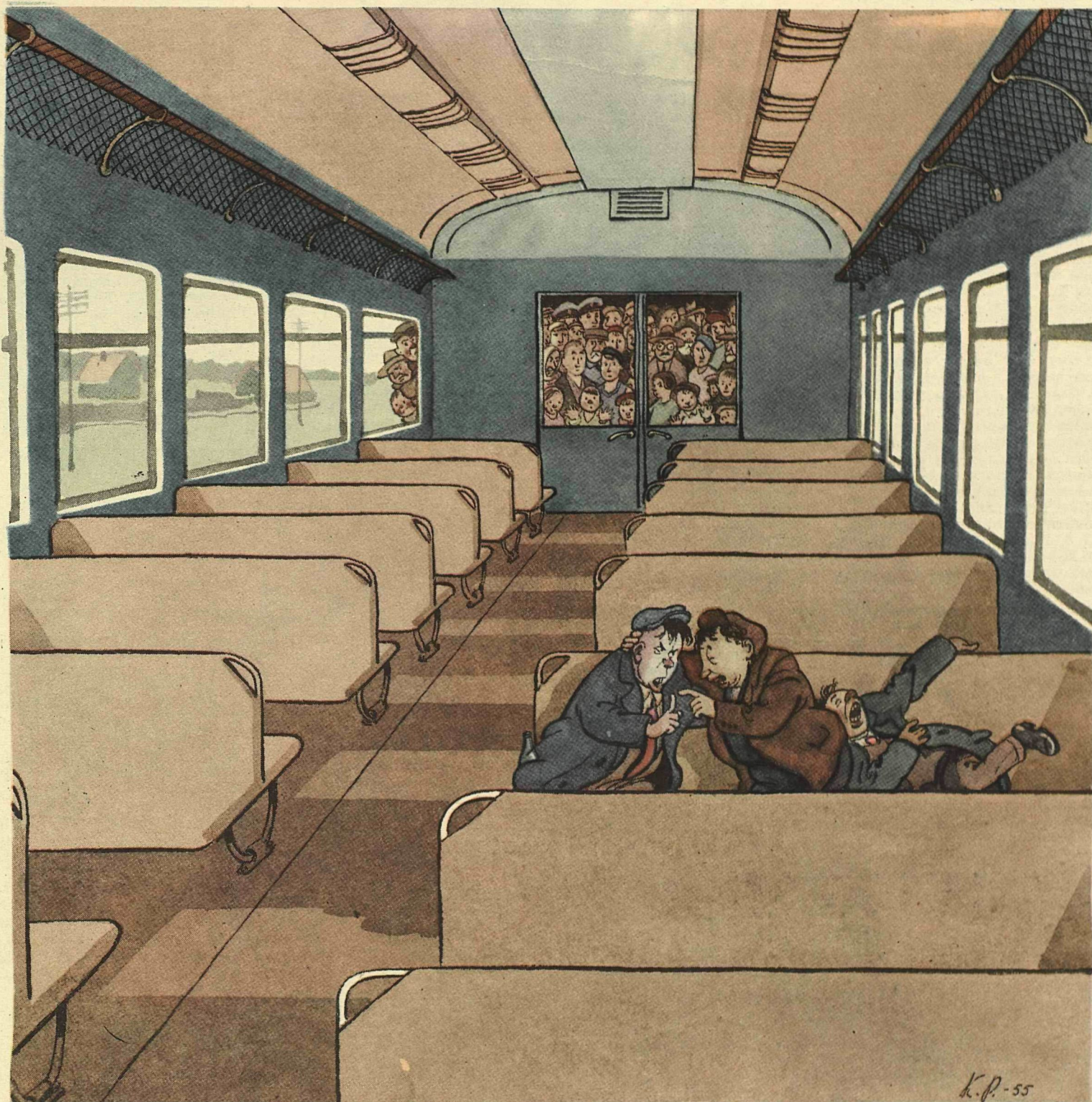
Прошло ещё три месяца. Предложения Макаричева заинтересовалось Министерство финансов СССР. И тогда те же товарищи, которые не так давно возражали против них, согласились проверить их практическую ценность, но не в Челябинске, где всё для этого было готово, а в... Калинин.

Ничего не попишешь! Такова сила инерции, сила привычки! А сила инерции, помноженная на силу привычки, и даёт в конечном счёте то, что следовало бы назвать косинусом фи косности и рутины.

Несомненно одно: чем больше в учреждении или на предприятии консерватизма, тем ниже косинус фи деятельности его аппарата. К сожалению, эта простая истина не нашла пока своего отражения в инструкциях по эксплуатации электростанций. И потому, должно быть, некоторые работники министерства предпочитают в лучшем случае придерживаться политики нейтралитета.

Видимо, и тут в полной мере действует косинус фи косности.

Е. ВЕСЕНИН

Просим читателей ответить: на какой дороге вы видели эту картину?

Алексей МАЛИН

Медвежья справедливость

Медведю (он прослыл законником в лесу)
 Пожаловались Зайцы на Лису.
 Почёсывая лапой поясницу,
 Их жалобу Медведь прочёл, не торопясь.
 — Мм-да... Зайцы пишут, якобы Лисица
 К ним грубо отнеслась,
 Не понимает слов
 И объясняется при помощи зубов...
 Написано остро,
 Но всё же я не верю.
 Не верю потому,
 Что с этой же Лисой, как с подчинённым
 зверем,

Иметь контакт случалось самому.
 Я лично с ней встречался — и немало,
 Решались и конфликтные дела.
 Она ж ни разу мне зубов не показала,
 Всегда дорогу мне при встрече уступала,
 Передо мною пол хвостом мела,
 Была так обходительна, мила...
 Нет, это всё коварные наветы!
 Я буду справедлив и зорок на посту!
 ...И Зайцев наш Медведь привлёк к ответу
 За «клевету».

г. Симферополь.

Ветны Шах

То о чём мы хотим рассказать в последующих строках, вероятно, хорошо знакомо тысячам читателей шахматных репортажей. Когда в концертном зале Чайковского или Центральном клубе железнодорожников проходят всесоюзные битвы на клетчатых полях, болельщики охвачены неопишуемой шахматной горячкой. Их много, этих темпераментных озабоченных амфитеатры! Они сидят в партере и амфитеатре, на балконах и просто в проходах на ступеньках. У каждого на коленях портативная доска, под рукой блокнот с записью партии лидеров турнира. И в голове зреет тот самый решающий ход, до которого почему-то никак не додумается чемпион.

Это счастливицы, баловни фортуны. Они всеми правдами и неправдами сумели достать себе билет. А сколько ревнителей ферзевого гамбита или ладейного эндшпиля толпятся у подъезда в ожидании контрамарки! Сколько их в эти драматические минуты пришло к радиоприёмникам и телевизорам! Статистика скрупулёзно подсчитала, что шахматный легион в нашей стране насчитывает два миллиона всадников, умеющих приподнять ретивых деревянных коней.

Именно из этих всадников вырастают те люди, которые приносят своему городу, своей республике, всей нашей стране почётные золотые медали и лавровые венки славы. Недаром во время закрытия турниров спортивные руководители, обронив горячую слезу, произносят ласковые, трогательные слова:

— Вы наша гордость!.. Вы наша радость!.. И мы обязаны всемерно... И мы должны всячески...

При этом, очевидно, в силу торжественности момента, никто не уточняет, что именно спортивные руководители «обязаны всемерно» и «должны всячески».

Попробуем взять на себя смелость уточнить эти детали.

«КЛУБЫ ЧЕТЫРЕХ КОНЕЙ»

Шахматная секция васюкинцев, описанная в романе «Двенадцать ступеней», помещалась в тесном коридоре управления коннозаводства. Тем не менее, не смущаясь этими обстоятельствами, васюкинцы назвали свою скромную секцию поэтично и выразительно «Клуб четырёх коней». Они мечтали об ослепительных перспективах, и перед их умственным взором возникал уходящий в голубое небо стеклянный дворец шахматной мысли. В каждом его зале, в каждой комнате сидели вдумчивые люди и играли в шахматы на инкрустированных малахитом досках.

Казалось бы, неприютные шахсекции канули в безвозвратное прошлое. Но нет, существует ещё «Клуб четырёх коней»! Именно так называют московские шахматисты неприветливое помещение, которое они арендуют у фабрики «Красная швея».

Забредшего сюда энтузиаста прежде всего встречает хмурый взгляд гардеробщицы.

— Ну вот, опять набилось полное фойе. Мыслители! Куда комендант смотрит!

По вечерам в помещении, где происходят жаркие турниры, тесно, негде пешке упасть. На столиках не сразу сыщешь место, и тогда на помощь энтузиасту приходит верный друг — портативная шахматная доска, предусмотрительно захваченная из дому. Где уж тут до той плодотворной атмосферы, которая должна окружать творцов новой дебютной идеи!

А ведь жаждущих проникнуть в этот клуб, чтобы участвовать в квалификационном турнире, посмотреть на игру мастеров, коллективно разобрать острую партию недавнего матча чемпионов, очень и очень много. И всем им страстно хочется расти и совершенствоваться.

Им совсем не нужно стеклянных дворцов и досок с малахитовыми инкрустациями. Им надобно всего лишь несколько просторных комнат, даже без ламп дневного освещения. Словом, открыть шахматный клуб куда легче, чем, скажем, отстроить мощный стадион на 50 тысяч посадочных мест. Но почему футболистов хоть иногда радуют открытием новых стадионов, пловцам наконец-то соорудили три комфортабельных бассейна, гимнасты тренируются в просторных залах, а шахматистам приходится довольствоваться сиротским приютом у «Красной швеи»?

«Клубы четырёх коней» существуют не только в Москве. Встречаются они и на дальней и ближней периферии. В Челябинске активистам шахматной секции предоставили столь студёную комнату, что они передвигают фигуры, не снимая варежек. Видимо, отцы города хотят заморозить на корню шахматное искусство. Вероятно, это желали бы сделать и батумские руководящие товарищи. Но мешают климатические условия, и поэтому здесь попросту прикрыли шахматный клуб. В Таллине поступили более практично; в один погожий день предложили шахматистам отдохнуть от напряжённых творческих раздумий и отдали помещение республиканского клуба под склад бумаги.

А в это время представители Комитета по делам физкультуры и спорта, приветствуя чемпионов, твердили испытанную формулу:

— Вы наша гордость!.. Вы наша радость!.. И мы обязаны всемерно... И мы должны всячески...

СТАРОИНДИЙСКИЙ СПОР

Исследователи утверждают, что шахматы впервые были изобретены в Индии в начале нашей эры. И, должно быть, именно с той благословенной поры не утихает глубоко принципиальный спор между сто-

ронниками двух направлений. Одни утверждают, что шахматы — это спорт. Другие пытаются доказать, что шахматы — искусство. Спор этот пережил века. Отголоски его можно услышать и сейчас.

— Да, — говорят одни, — шахматы — это искусство. Тонкое, как работа ювелира, прекрасное, как балет «Лебединое озеро», мудрое, как Большая советская энциклопедия.

— Нет, — утверждают другие, — шахматы — это спорт. В чём ведении мы находимся?

— Никак не припомню. Помоему, ни в чём.

— Прощу без выпадов. Мы находимся в ведении Всесоюзного комитета физкультуры и спорта. Раз! Теперь два. В прошлом году из Казахстана в Ленинград на всесоюзные юношеские соревнования прибыла команда шахматистов. Кто возглавлял её в высоком качестве тренера? Боксёр!

— Случайность. Недосмотрели руководящие товарищи. Шахматы — это искусство. Ведь соревнования по ним не включили в спартакиаду народов СССР. А вы говорите, спорт!

— Ах, случайность!.. А в Киргизии кого назначили директором республиканского шахматного клуба? Футболиста! И никого не смущает, что он во время одной из церемониальных речей почему-то назвал эндшпиль рашпилем. Как известно, это не подмочило его спортивный престиж.

— Поднимаю руки. Отрекаюсь. Пусть шахматы — это спорт. Но тогда пусть наши уважаемые руководители делают то, что они «обязаны всемерно» и «должны всячески».

«В ТОЙ ЖЕ ПОЗИЦИИ»

Поскольку шахматы находятся в ведении Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта, газета «Советский спорт» должна быть лучшим другом каждого, кто все вечера отдаёт борьбе за взятие в плен вражеского короля и кому по ночам снятся проходные пешки. Но вот читатель раскрывает утром газету и пожирает глазами: ах, какие увлекательные строки...

В шахматном репортаже напечатано: «Но пешка а7 отдаётся надолго» — или: «Ничейные основы закладывались уже в начальной стадии партий. Все встречи были начаты движением ферзевой пешки». И невдомёк редакции, что пешки отдадут не надолго, а навсегда и что ход ферзевой пешки закладывает основы ничейного исхода в такой же степени, как и «ничейного».

«Советский спорт» довольно часто обогащает шахматную теорию «оригинальными» новшествами. И об этом уже писала в «Правде» в прошлом году группа гроссмейстеров. «Правда» критиковала странную позицию «Советского спорта» по отношению к шахматам, но газета и поныне, вы-

ражаясь языком Козьмы Прутова, «в той же позиции на камне сидит».

Неудобно обойти вниманием и издательство «Физкультура и спорт», которое целиком солидарно с газетой. Десять лет обивает пороги издательства гроссмейстер Г. Левенфиш и никак не может добиться издания 2-го тома своего полезного и интересного труда по шахматным дебютам. И это судьба не одного Левенфиша.

Но нет, мы далеки от мысли, что шахматная литература не издаётся. В прошлом году в городе Пярну вышла книжка ответственного секретаря Всесоюзной шахматной судейской коллегии Ю. И. Карахана «В помощь судье по шахматам».

Многие страницы этой книги привлекают внимание не только шахматиста, но и фельетониста. Чем плох, к примеру, такой абзац: «Судья не должен формально поступать так, как указано в кодексе, а в зависимости от конкретных условий, иногда решать и иначе... Можно прибегнуть к такому способу при утере конверта: сказать, что конверт забыт дома, и предложить участникам подождать или сделать записанный ход, а потом его проверить. Это — психологическое воздействие иногда помогает» (?).

Тогда уместно спросить: какая разница между неизящным понятием «врать направо» и интеллигентным «оказывать психологическое воздействие»?

Ю. И. Карахан вообще не за то, чтобы церемониться с игроками. Ничего не подделаешь: положение обязывает, он ответственный секретарь Всесоюзной шахматной судейской коллегии и знает силу руководящего внушения. Ю. И. Карахан рекомендует судьям отбирать у участников турнира квалификационные билеты специально для того, чтобы «держат участника в страхе». Вот как!

Подчёркнуто строг Ю. И. Карахан по отношению к женщинам. «Подсказы могут производиться в самой замаскированной форме, — пишет он. — Особенно они имеют частое распространение в женских турнирах» (!). Далее автор сообщает, что во время XV женского чемпионата страны тренерам было запрещено появляться не только в турнирном помещении, но даже в городе, где происходил турнир.

Итак, надо выселить из города на 101-й километр всех тренеров, запретить болельщикам собираться группами больше двух человек, поставить у дверей часовых, а у турнирного стола — Ю. И. Карахана, и тогда можно начинать женский турнир: за женщинами нужен глаз!

Мы могли бы привести немало фактов о невнимании к шахматистам, о разных курьёзах, которые происходят с ними. Но, как говорится, нас сдерживает цейтнот, пора переходить в эндшпиль.

Шахматистов надо любить — они составляют значительную часть человечества. Любить независимо от того, что такое шахматы — спорт или искусство.

Дорогой Крокодил!

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Извини за нескромный вопрос: сколько ты платишь в месяц за свет? Вероятно, несколько десятков рублей.

Нашему же колхозу пришлось только за два дня пользования электроэнергией заплатить... 1 миллион 186 тысяч 868 рублей!

Да, да! Я бухгалтер, и мне трудно ошибиться в подсчётах. Именно эта сумма вложена нашим колхозом в строительство ГЭС. Закончено оно было областной конторой «Сельэлектро» 10 июня 1953 года. Два дня мы наслаждались электросветом. А ровно через двое суток воды реки Ашлык, воспользовавшись неправильным составленным проектом, разрушили водосброс и унесли его вниз по течению.

После этого, мягко говоря, происшествия были приняты срочные меры. Нет, вовсе не к восстановлению станции, как ты можешь подумать. Просто в областном музее экстренно спрятали в тёмный чулан макет нашей ГЭС, дотоле горделиво красовавшийся на видном месте.

Областная же контора «Сельэлектро» уже второй год подряд составляет новый проект гидростанции.

Как видишь, дорогой Крокодил, я не ошибся в подсчётах. Ошибся тут только наш колхоз, доверивший строительство областной конторе.

А. МИНГАЛЕВ,

бухгалтер колхоза имени Калинина.

Вагайский р-н,
Тюменской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Если ты захочешь узнать, что такое «тёма египетская», тебе незачем ехать в далёкий Египет. Приезжай к нам, на станцию Кроле-

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Наша школа нуждается в капитальном ремонте. Все мы с нетерпением ждали: вот окончится учебный год, тогда начнём помаленьку ремонтироваться.

Но тут в наши планы внёс сумятицу прораб 2-го Стройуправления при Щербаковском райисполкоме тов. С. М. Копилевич. Он предложил начать ремонт немедленно.

— Давайте удивим всех,— убеждал он нас в апреле.— Правда, придётся вам временно потесниться, но зато мы не торопясь и спокойно все работы сделаем досрочно.

Не выдержав соблазна, мы согласились. И тогда тов. Копилевич показал себя в полном блеске.

Прежде всего прораб поразил нас глубоко продуманным планом очередности работ. Поначалу приступили к делу маляры. Затем их сменили водопроводчики, которые, прокладывая трубы, полностью уничтожили плоды трудов своих предшественников. Далее появились штукатуры и принялись заново отделявать стены. Преподаватели и ученики уходили с занятием, густо обсыпанные мелом и извёсткой, поминутно спотыкаясь о вёдра с краской. А прораб ходил и восхищался:

— Классная работа!

И вдруг ремонт приостановился: кончился купорос. Копилевич потребовал от нас, чтобы купорос был немедленно доставлен, хотя изпод земли.

— Где же мы его возьмём?

— Достаньте где-нибудь...

Как ты думаешь, удастся ли Копилевичу «удивить всех» хотя бы к началу нового учебного года?

Н. СОБАКИН,

завхоз средней школы № 266.

Москва.

вец, Московско-Киевской железной дороги, с ночным поездом. Войдя в вокзал, ты сразу очутишься в такой темнотище, перед которой и египетская тёма днём покажется!

Дело в том, что с декабря прошлого года в вокзале нет электрического освещения. Старая проводка пришла в полную негодность, и пожарная охрана отключила вокзал от электросети.

Осветить вокзал — дело несложное: нужно всего-навсего заменить 400 метров провода. Но руководство дороги до сих пор не может решить, где взять этот злополучный провод.

Не подскажешь ли ты, дорогой Крокодил, работникам службы снабжения, как развезти ночной мрак? Нам кажется, что будь у наших снабженцев огонёк в работе, не приходилось бы пассажирам вспоминать каждую ночь далёкий Египет.

А. КОТОВ,
начальник станции.

ст. Кролевец,
Московско-Киевской ж. д.

ОБЪЯВЛЕНИЕ КРОКОДИЛА

УТЕРЯНО директорами некоторых совхозов и МТС Западно-Казахстанской области чувство ответственности за доверенное им имущество. На товарном дворе станции Уральск под открытым небом ими в беспорядке брошены ценнейшие сельскохозяйственные машины и оборудование.

Директор Анкатинского совхоза мог бы здесь обнаружить сенопресс, трактор «СТЗ» и детали сборных домов. Долгие месяцы валяются стогометатели, цистерны для бензина, бороны, тракторные грабли для Агубинской, Чапаевской, Джамбейтинской и Чувашинской МТС.

ИЩЕМ ответа на вполне законные вопросы: Почему детали сборных домов, без которых новосёлы не могут построить себе жилья, брошены на произвол?

Почему сельскохозяйственные машины, вместо того чтобы работать на полях, ржавеют, портятся и расхищаются?

Кто же они (по фамилиям), эти нерадивые хозяева, которые так безучастно относятся к порче и гибели народного добра?

НАШЕДШЕГО способ воздействовать на виновников этой вопиющей бесхозяйственности просят побеспокоить начальника Западно-Казахстанского областного управления сельского хозяйства тов. Ерофеева и директора Уральского треста совхозов тов. Казанцева. Они-то хорошо знают в лицо этих людей. Знают, но молчат. Не находят, видимо, слов, чтобы выразить свой гнев и возмущение. А жаль!..

Рисунок И. СЫЧЕВА.

(По теме читателя Ю. А. Белкина, г. Киров.)

ПРОДАВЕЦ:— Неужели трудно помочь ребёнку?..

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКОВ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

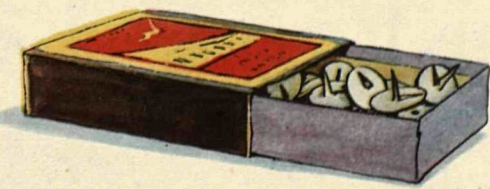
А 03727. Изд. № 593. Подписано к печати 9/VI 1955 г. Формат бум. 70×108%. Заказ № 1922. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

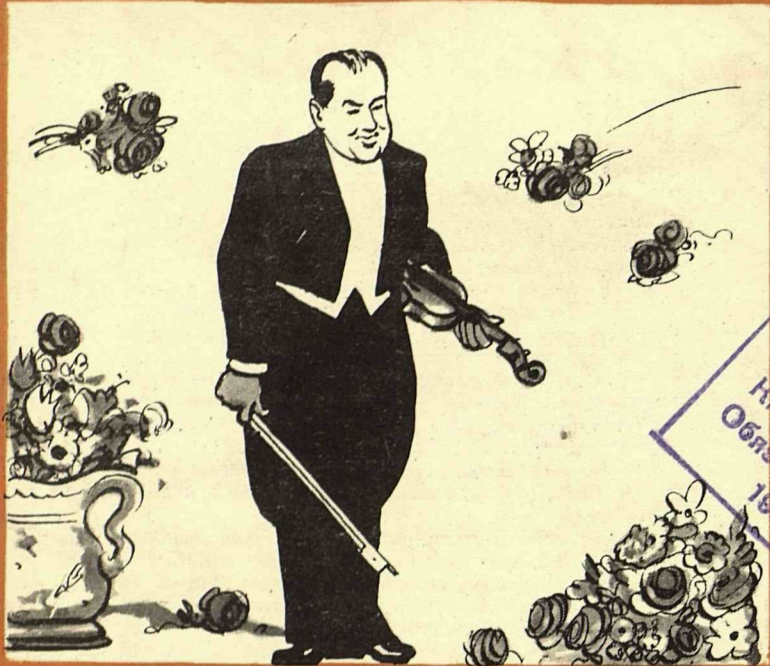
Рисунок С. КУЗЬМИНА.

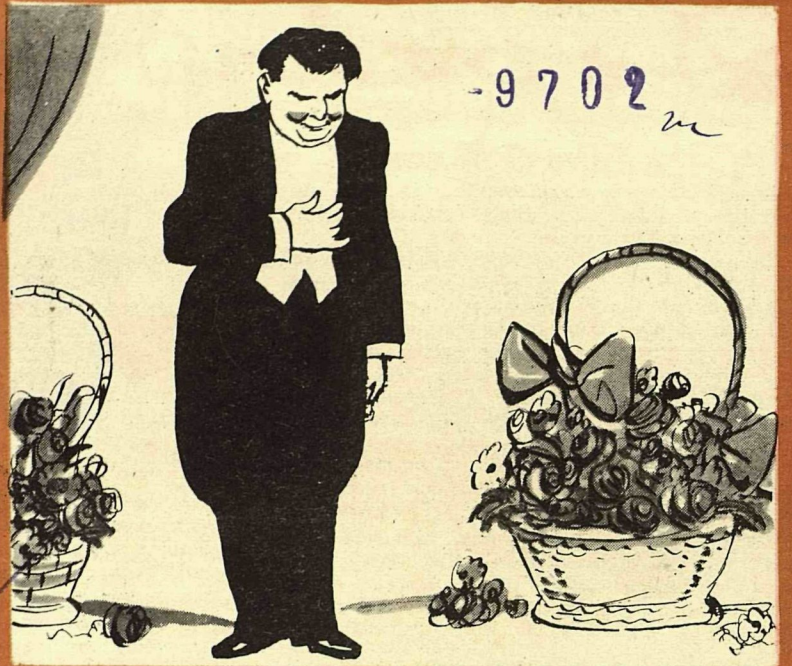
Наговорил с три короба об экономии металла...

...а весь сэкономленный металл уместился в один коробок.

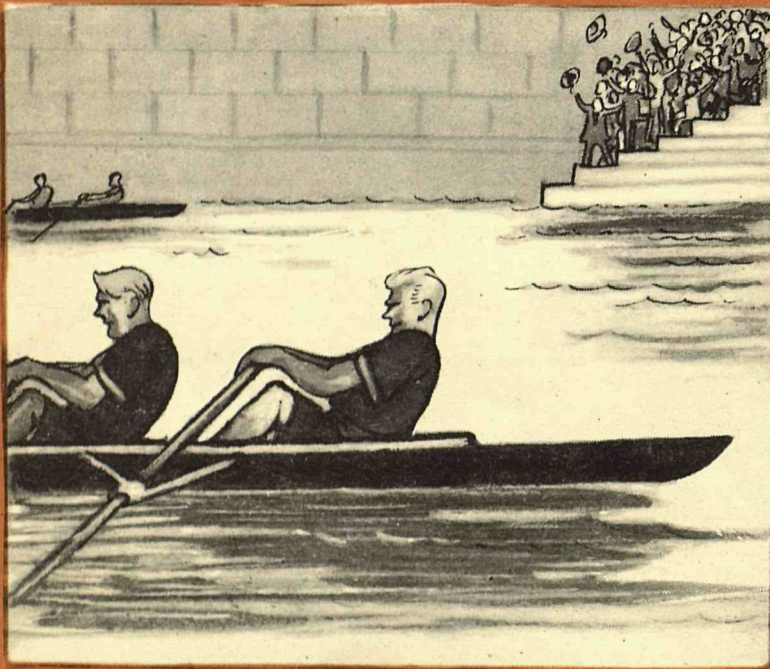

...советский скрипач в Токио...

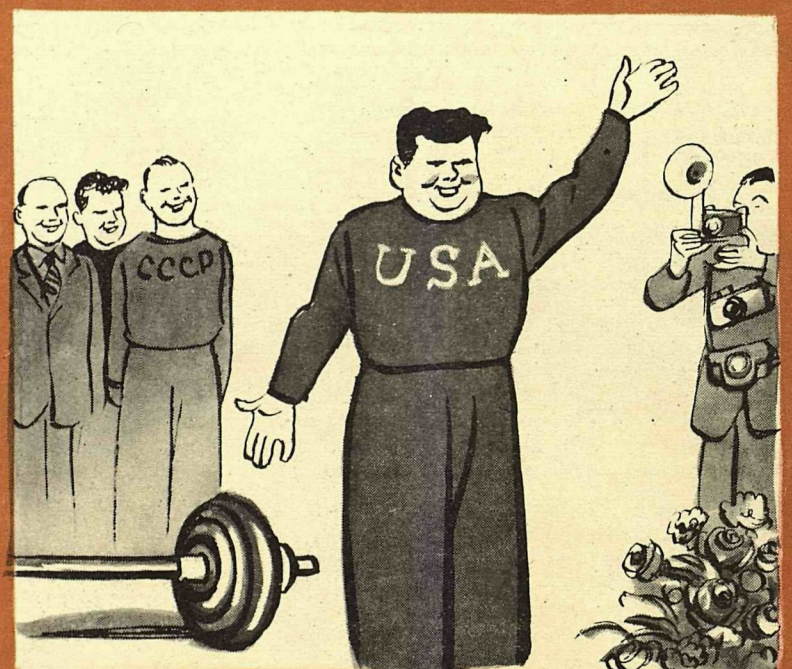

...югославский певец в Москве...

Всесоюзная
Книжная палата
Облзат. экземпль.
1955 г.

...советские гребцы в Лондоне...

...американские штангисты в Ленинграде...

ДОВОЛЬНО!
НАДОЕЛО!
ХВАТИТ!

...и только это выступление не имело успеха.